

ПЕРЕСТРОЙКА: ОТВЕТСТВЕННОСТЬ И КОМПЕТЕНТНОСТЬ ЖУРНАЛИСТА

Накануне третьего пленума правления Союза журналистов СССР в ЦК КПСС состоялось совещание руководителей центральных и республиканских средств массовой информации, работников науки и культуры, посвященное вопросам их работы на новом этапе перестройки, в условиях развития процессов демократизации и кардинальной экономической реформы. Перед участниками совещания выступил член Политбюро, секретарь ЦК КПСС А. Н. Яковлев. Значительное место в своем выступлении он уделил задачам прессы, которые в новых условиях как бы должны обрасти второе дыхание.

Глазами — линия твердая, отметил он, с нее ЦК сворачивать не намерев. Защищать журналистов от необоснованных обвинений, гонений мы будем самыми решительными образом и вперед. Но настало пора со всей откровенностью и честностью сказать и о другой стороне проблемы. Слишком часто в последнее время низкая профессиональная компетентность журналистов, небрежность, недобросо-

вестности и предпочтения, которые обеспечиваются мера убедительности и т. д.

Быть может, нашему союзу при наименее своем развитии, сколько не накопили вся наша жизнь, все наши университеты. Глубинные открытия, предельные откровения. Коснись ли оценкой истории, науки и личностей, состояния общества, реальных перспектив разви-

тия интересов и предпочтений,

члены ЦК КПСС, секретарь правления Союза журналистов СССР, главный редактор газеты «Советская Россия» В. Чикин, а также некоторые выступления участников пленума мы в сокращенном виде предлагаем вниманию читателей.

Члены ЦК КПСС, секретарь правления Союза журналистов СССР, главный редактор газеты «Советская Россия» В. Чикин, а также некоторые выступления участников пленума мы в сокращенном виде предлагаем вниманию читателей.

Наш сегодняшний пленум проходит на том, исключительно важном отрезке времени, который отделяет культурно-национальный авт 70-летия Октября от начала решавшегося этапа перестройки в новых экономических условиях. Это момент энергичной подготовки объединения сил, момента развертывания партийных рядов на встречу Всеобщей партийной конференции.

Думается, что и наш пленум, наш сегодняшний разговор о журналистской перестройке может вписаться в контекст этого этапа пар-

тийного самовыражения, от на-

шей самокритичности и при-

ципиальности, ответственности

и конструктивности не в малой степени зависит успех

содействия демократизации,

освоения экономической ре-

формы на новом этапе.

Конечно, отчитываться нам просто — ежедневно дебо наше ума, сердец и рук транслируются десятками миллионов зрителей, транслируются на аудитории в сотни миллионов человек. Сразу видно, что шагает в ногу со временем, а кто топчется на месте. И мгновенное пропадение обратной связи. Нашему журналистскому пеку грех жаловаться: в каждой из тысячи единиц, миновавших с апреля 1985 года, мы ощущали пристальное внимание и постоянную поддержку партии. Не раз давались глубокие, объективные, вдохновляющие оценки нашей работы руководством Центрального Комитета, на высоких совещаниях и Пленумах, на съезде партии. Эти оценки нам хорошо известны.

Кроме того, прошел уже не один в два массовых, можно сказать, референдума при подписке. Мы можем гордиться серьезно возросшим интересом и доверием читателя. Не будем забывать: в наименее обстановке это главное образом следствие все большего пробуждения социального самосознания в массах, растущего ожидания перемены. Где-то оказывается, быть может, и обычная читательская слабость и обещанные сенсации. Кого-то соблазняет возможный всплеск «взрывных» публикаций. А какое-то издание привлекло к себе любопытных просто тем, что за- кружило белом танце.

Аной печатный орган не

только ничем не завлекает,

но и явно сдает в течение годы по числу публикаций, которые будоражили бы общество мнение. Аудитория же — огромная аудитория, — равная, может, любой половине читателей всех областных газет. Не будем забывать: в наименее обстановке это главное образом следствие все большего пробуждения социального самосознания в массах, растущего ожидания перемены. Где-то оказывается, быть может, и обычная читательская слабость и обещанные сенсации. Кого-то соблазняет возможный всплеск «взрывных» публикаций. А какое-то издание привлекло к себе любопытных просто тем, что за- кружило белом танце.

Аной печатный орган не

только ничем не завлекает,

но и явно сдает в течение

годы по числу публикаций,

которые будоражили бы общество мнение. Аудитория же — огромная аудитория, — равная, может, любой половине читателей всех областных газет. Не будем забывать: в наименее обстановке это главное образом следствие все большего пробуждения социального самосознания в массах, растущего ожидания перемены. Где-то оказывается, быть может, и обычная читательская слабость и обещанные сенсации. Кого-то соблазняет возможный всплеск «взрывных» публикаций. А какое-то издание привлекло к себе любопытных просто тем, что за- кружило белом танце.

Аной печатный орган не

только ничем не завлекает,

но и явно сдает в течение

годы по числу публикаций,

которые будоражили бы общество мнение. Аудитория же — огромная аудитория, — равная, может, любой половине читателей всех областных газет. Не будем забывать: в наименее обстановке это главное образом следствие все большего пробуждения социального самосознания в массах, растущего ожидания перемены. Где-то оказывается, быть может, и обычная читательская слабость и обещанные сенсации. Кого-то соблазняет возможный всплеск «взрывных» публикаций. А какое-то издание привлекло к себе любопытных просто тем, что за- кружило белом танце.

Аной печатный орган не

только ничем не завлекает,

но и явно сдает в течение

годы по числу публикаций,

которые будоражили бы общество мнение. Аудитория же — огромная аудитория, — равная, может, любой половине читателей всех областных газет. Не будем забывать: в наименее обстановке это главное образом следствие все большего пробуждения социального самосознания в массах, растущего ожидания перемены. Где-то оказывается, быть может, и обычная читательская слабость и обещанные сенсации. Кого-то соблазняет возможный всплеск «взрывных» публикаций. А какое-то издание привлекло к себе любопытных просто тем, что за- кружило белом танце.

Аной печатный орган не

только ничем не завлекает,

но и явно сдает в течение

годы по числу публикаций,

которые будоражили бы общество мнение. Аудитория же — огромная аудитория, — равная, может, любой половине читателей всех областных газет. Не будем забывать: в наименее обстановке это главное образом следствие все большего пробуждения социального самосознания в массах, растущего ожидания перемены. Где-то оказывается, быть может, и обычная читательская слабость и обещанные сенсации. Кого-то соблазняет возможный всплеск «взрывных» публикаций. А какое-то издание привлекло к себе любопытных просто тем, что за- кружило белом танце.

Аной печатный орган не

только ничем не завлекает,

но и явно сдает в течение

годы по числу публикаций,

которые будоражили бы общество мнение. Аудитория же — огромная аудитория, — равная, может, любой половине читателей всех областных газет. Не будем забывать: в наименее обстановке это главное образом следствие все большего пробуждения социального самосознания в массах, растущего ожидания перемены. Где-то оказывается, быть может, и обычная читательская слабость и обещанные сенсации. Кого-то соблазняет возможный всплеск «взрывных» публикаций. А какое-то издание привлекло к себе любопытных просто тем, что за- кружило белом танце.

Аной печатный орган не

только ничем не завлекает,

но и явно сдает в течение

годы по числу публикаций,

которые будоражили бы общество мнение. Аудитория же — огромная аудитория, — равная, может, любой половине читателей всех областных газет. Не будем забывать: в наименее обстановке это главное образом следствие все большего пробуждения социального самосознания в массах, растущего ожидания перемены. Где-то оказывается, быть может, и обычная читательская слабость и обещанные сенсации. Кого-то соблазняет возможный всплеск «взрывных» публикаций. А какое-то издание привлекло к себе любопытных просто тем, что за- кружило белом танце.

Аной печатный орган не

только ничем не завлекает,

но и явно сдает в течение

годы по числу публикаций,

которые будоражили бы общество мнение. Аудитория же — огромная аудитория, — равная, может, любой половине читателей всех областных газет. Не будем забывать: в наименее обстановке это главное образом следствие все большего пробуждения социального самосознания в массах, растущего ожидания перемены. Где-то оказывается, быть может, и обычная читательская слабость и обещанные сенсации. Кого-то соблазняет возможный всплеск «взрывных» публикаций. А какое-то издание привлекло к себе любопытных просто тем, что за- кружило белом танце.

Аной печатный орган не

только ничем не завлекает,

но и явно сдает в течение

годы по числу публикаций,

которые будоражили бы общество мнение. Аудитория же — огромная аудитория, — равная, может, любой половине читателей всех областных газет. Не будем забывать: в наименее обстановке это главное образом следствие все большего пробуждения социального самосознания в массах, растущего ожидания перемены. Где-то оказывается, быть может, и обычная читательская слабость и обещанные сенсации. Кого-то соблазняет возможный всплеск «взрывных» публикаций. А какое-то издание привлекло к себе любопытных просто тем, что за- кружило белом танце.

Аной печатный орган не

только ничем не завлекает,

но и явно сдает в течение

годы по числу публикаций,

которые будоражили бы общество мнение. Аудитория же — огромная аудитория, — равная, может, любой половине читателей всех областных газет. Не будем забывать: в наименее обстановке это главное образом следствие все большего пробуждения социального самосознания в массах, растущего ожидания перемены. Где-то оказывается, быть может, и обычная читательская слабость и обещанные сенсации. Кого-то соблазняет возможный всплеск «взрывных» публикаций. А какое-то издание привлекло к себе любопытных просто тем, что за- кружило белом танце.

Аной печатный орган не

только ничем не завлекает,

но и явно сдает в течение

годы по числу публикаций,

которые будоражили бы общество мнение. Аудитория же — огромная аудитория, — равная, может, любой половине читателей всех областных газет. Не будем забывать: в наименее обстановке это главное образом следствие все большего пробуждения социального самосознания в массах, растущего ожидания перемены. Где-то оказывается, быть может, и обычная читательская слабость и обещанные сенсации. Кого-то соблазняет возможный всплеск «взрывных» публикаций. А какое-то издание привлекло к себе любопытных просто тем, что за- кружило белом танце.

Аной печатный орган не

только ничем не завлекает,

но и явно сдает в течение

годы по числу публикаций,

которые будоражили бы общество мнение. Аудитория же — огромная аудитория, — равная, может, любой половине читателей всех областных газет. Не будем забывать: в наименее обстановке это главное образом следствие все большего пробуждения социального самосознания в массах, растущего ожидания перемены. Где-то оказывается, быть может, и обычная читательская слабость и обещанные сенсации. Кого-то соблазняет возможный всплеск «взрывных» публикаций. А какое-то издание привлекло к себе любопытных просто тем, что за- кружило белом танце.

Аной печатный орган не

только ничем не завлекает,

но и явно сдает в течение

годы по числу публикаций,

которые будоражили бы общество мнение. Аудитория же — огромная аудитория, — равная, может, любой половине читателей всех областных газет. Не будем забывать: в наименее обстановке это главное образом следствие все большего пробуждения социального самосознания в массах, растущего ожидания перемены. Где-то оказывается, быть может, и обычная читательская слабость и обещанные сенсации. Кого-то соблазняет возможный всплеск «взрывных» публикаций. А какое-то издание привлекло к себе любопытных просто тем, что за- кружило белом танце.

Аной печатный орган не

только ничем не завлекает,

но и явно сдает в течение

годы по числу публикаций,

которые будоражили бы общество мнение. Аудитория же — огромная аудитория, — равная, может, любой половине читателей всех областных газет. Не будем забывать: в наименее обстановке это главное образом следствие все большего пробуждения социального самосознания в массах, растущего ожидания перемены. Где-то оказывается, быть может, и обычная читательская слабость и обещанные сенсации. Кого-то соблазняет возможный всплеск «взрывных» публикаций. А какое-то издание привлекло к себе любопытных просто тем, что за- кружило белом танце.

Аной печатный орган не

только ничем не завлекает,

но и явно сдает в течение

годы по числу публикаций,

которые будоражили бы общество мнение. Аудитория же — огромная аудитория, — равная, может, любой половине читателей всех областных газет. Не будем забывать: в наименее обстановке это главное образом следствие все большего пробуждения социального самосознания в массах, растущего ожидания перемены. Где-то оказывается, быть может, и обычная читательская слабость и обещанные сенсации. Кого-то соблазняет возможный всплеск «взрывных» публикаций. А какое-то издание привлекло к себе любопытных просто тем, что за- кру

НЕТ НИЧЕГО дороже и прекраснее Родины, за свободу и независимость которой заплачено миллионы героями жизни лучших сынов и дочерей. Вот почему в книге «Память», изданной польским агентством Интерпресс и агентством печати «Новости» летом этого года, книга, в которой группа наших польских друзей под руководством писателя Фронтоника, польского Януша Пшибыльского собрала и опубликовала имена 78 тысяч 556 советских воинов, отдавших свою жизнь при освобождении Польши от фашистских захватчиков,— всколыхнула и взволновала миллионы людей у нас и в Польской Народной Республике.

Сразу же, как только мы рассказали о ней на страницах «Советской культуры» в статье «Наши павшие — как часовые» (21 июля с. г.), в редакцию посыпалось письма. Одни спрашивают, нет ли в книге фамилий их отцов, дедов, мужей и братьев. (Десятитысячный тираж — это же кипа в море, если честно), что более шестисот тысяч советских воинов пали в тех боях). Другие рассказывают подробнее о дорогих им людях, шлют бесценные реалии — письма с войнами, фотографии, извещения о гибели. Третье письма «Памяти» подняли на личный поиск имен и фамилий воинов, погибших на территории Польши — своих земляков и однополчан.

Такие же письма идут и к Янушу Пшибыльскому. Уже за 11 тысяч первоначально это число. Недавно мы встретились с писателем в Москве и соединили эту дорогую всем нам почту. Мы не просто читали каждое письмо, а словно бы видели за строками их авторов. Теперь у польского автора появились в разных уголках нашей страны десятки, а, быть может, и сотни благодарных и верных единомышленников разных национальностей: «Память» касается каждого, кого проглатила близкая кровь наших породивших спольской землей...

Иван Тихонович Вертицкий из Минска прислал извещение, полуточное его сына в 1945 году. Не хватает желтой непромокаемой бумаги с распышившимися за 42 года буквами удалось прочесть:

«Ваш сын, красноармеец Вертицкий Василий Тихонович, в бою за социалистическую Родину, варвар винтовки пристрелил, проявил геройство и мужество, погиб 7 декабря 1944 года и похоронен в земле бывшего винницкого участка в деревне Орловка-Суровицкая. Погиб в боевых действиях.

«Последнее письмо он нам написал 1 декабря 1944 года. Я готов ждать длительного времени. Но хочу получить как можно больше информации о родном братишке. Нас было только двое. Сейчас никого нет у меня», — пишет Иван Тихонович.

Там, на изрекаемой осколками и обильно поливаемой кровью польской земле, образ Родины и образы родных были нарезанными. Огонь священной и благородной войны высек в людях все будничное и празднодущее и ярко высветил в них душу мужества, безмерную любви и близости, к человечеству и уверенности в том, что мир, за который они сражаются, будет светлым, прекрасным и справедливым.

«Мой отец, младший сержант Касимов Хотыл Хасанович, участник сражения у Дона, в Белоруссии и в Польше. Он писал: «Бомб тяжелые, винтовки не выдают. Моя миссия, как повара горючести и мужества, погиб 7 декабря 1944 года и похоронен в земле бывшего винницкого участка. В польской земле сутки для часа, только два часа! Умрет вас, быть с вами, или добрые дети, и снова вернуться на фронт».

Последнее письмо и получено 15 января, а погиб он 21 января при форсировании реки Вислы. На документах отца, потерянных в бою, осталась одна фотография.

Мы с мужем были на юге жизни и в местности Слески, в 14 километрах от Быдgoszcz, в 1965 году. Нас окружили сражающиеся дети и взрослые. С Яном Ситником, ветераном войны, которого мы с тех пор зовем дядей Яном, видим сердечную переговорку. Он говорит, что погибший сержант могли от нас и от себя. Мы звали горсть земли с этого края, а на могилу отца положили горсть земли родной земли из Казани.

С любовью Хатыловна Заякова.

Это фронтовое письмо учителя из Татарии, погибшего за свободу советского и польского народов — пример высшего интернационализма. Да, Великая Отечественная была времнем великой проверки человека любой национальности на честность Родины. И письма снова и снова это подтверждают.

СЕГОДНЯ нам всем дороги каждая строчка, каждое воспоминание о тех, кто отстоял жизнь последующих поколений. Многие из них были совсем маленьшими и почти ничего не успели в жизни узнать. Не полюбить, не стать отцами. В сущности, они сами были детьми, возмужавшими в годину великой проверки человека любой национальности на честность Родины. И письма снова и снова это подтверждают.

«На фото моя 17 лет, 25 ноября 1944 года ему исполнилось 18, а 15 декабря он погиб на машинах в Польше. На машинах. Погиб в бою, погиб в бою, погиб в бою...» — написал братишка свое последнее письмо. Был был умный, добрый и очень способный — учились только на пятерки. Этими сорок второго погиб мальчик, он прибегает ко мне в больницу. Одним раз сам писал письма в бумагу, спиртком подпись и в другой раз, чтобы не истощать, чтобы не истощать, чтобы не истощать.

А вот письмо, которое, как выражались бы осторожные ученики, быть может, свидетельствует о еще не познанных возможностях человеческой психики. Его Януш Пшибыльский получил от врача Виктора Прокофьевича Лазаренко из Воронежа:

НИКТО НЕ ЗАБЫТ

Каждый из миллионов павших солдат Великой Отечественной — навсегда в нашей благодарной памяти, в нашем сердце. И каждого по праву осеняет знамя Победы, водруженное над поверженным рейхстагом. Вот почему еще для нас, живущих сегодня благодаря их подвигу, так важно вернуть из небытия новые и новые имена. У истории Великой Отечественной войны тоже не должно быть белых пятен.

Фото М. Аникеева.

«Уважаемый товарищ Януш Пшибыльский!

Долго боролся с желаниями написать вам — интересны ли будут мои мысли писателю, уваженному опыту жизни, прошедшему сквозь сороку, кровавую войну.

Очень сожалею, что не знаюпольского языка, не могу приветствовать вас на родном языке, но, судя по вашему письму, вы говорите на польском языке.

Мы с мужем были на юге жизни и в местности Слески, в 14 километрах от Быдgoszcz, в 1965 году. Нас окружили сражающиеся дети и взрослые. С Яном Ситником, ветераном войны, которого мы с тех пор зовем дядей Яном, видим сердечную переговорку. Он говорит, что погибший сержант могли от нас и от себя. Мы звали горсть земли с этого края, а на могилу отца положили горсть земли родной земли из Казани.

С любовью Хатыловна Заякова.

Это фронтовое письмо учителя из Татарии, погибшего за свободу советского и польского народов — пример высшего интернационализма. Да, Великая Отечественная была времнем великой проверки человека любой национальности на честность Родины. И письма снова и снова это подтверждают.

СЕГОДНЯ нам всем дороги каждая строчка, каждое воспоминание о тех, кто отстоял жизнь последующих поколений. Многие из них были совсем маленьшими и почти ничего не успели в жизни узнать. Не полюбить, не стать отцами. В сущности, они сами были детьми, возмужавшими в годину великой проверки человека любой национальности на честность Родины. И письма снова и снова это подтверждают.

«На фото моя 17 лет, 25 ноября 1944 года ему исполнилось 18, а 15 декабря он погиб на машинах в Польше. На машинах. Погиб в бою, погиб в бою, погиб в бою...» — написал братишка свое последнее письмо. Был был умный, добрый и очень способный — учились только на пятерки. Этими сорок второго погиб мальчик, он прибегает ко мне в больницу. Одним раз сам писал письма в бумагу, спиртком подпись и в другой раз, чтобы не истощать, чтобы не истощать, чтобы не истощать.

А вот письмо, которое, как выражались бы осторожные ученики, быть может, свидетельствует о еще не познанных возможностях человеческой психики. Его Януш Пшибыльский получил от врача Виктора Прокофьевича Лазаренко из Воронежа:

«На фото моя 17 лет, 25 ноября 1944 года ему исполнилось 18, а 15 декабря он погиб на машинах в Польше. На машинах. Погиб в бою, погиб в бою, погиб в бою...» — написал братишка свое последнее письмо. Был был умный, добрый и очень способный — учились только на пятерки. Этими сорок второго погиб мальчик, он прибегает ко мне в больницу. Одним раз сам писал письма в бумагу, спиртком подпись и в другой раз, чтобы не истощать, чтобы не истощать, чтобы не истощать.

А вот письмо, которое, как выражались бы осторожные ученики, быть может, свидетельствует о еще не познанных возможностях человеческой психики. Его Януш Пшибыльский получил от врача Виктора Прокофьевича Лазаренко из Воронежа:

«На фото моя 17 лет, 25 ноября 1944 года ему исполнилось 18, а 15 декабря он погиб на машинах в Польше. На машинах. Погиб в бою, погиб в бою, погиб в бою...» — написал братишка свое последнее письмо. Был был умный, добрый и очень способный — учились только на пятерки. Этими сорок второго погиб мальчик, он прибегает ко мне в больницу. Одним раз сам писал письма в бумагу, спиртком подпись и в другой раз, чтобы не истощать, чтобы не истощать, чтобы не истощать.

А вот письмо, которое, как выражались бы осторожные ученики, быть может, свидетельствует о еще не познанных возможностях человеческой психики. Его Януш Пшибыльский получил от врача Виктора Прокофьевича Лазаренко из Воронежа:

«На фото моя 17 лет, 25 ноября 1944 года ему исполнилось 18, а 15 декабря он погиб на машинах в Польше. На машинах. Погиб в бою, погиб в бою, погиб в бою...» — написал братишка свое последнее письмо. Был был умный, добрый и очень способный — учились только на пятерки. Этими сорок второго погиб мальчик, он прибегает ко мне в больницу. Одним раз сам писал письма в бумагу, спиртком подпись и в другой раз, чтобы не истощать, чтобы не истощать, чтобы не истощать.

А вот письмо, которое, как выражались бы осторожные ученики, быть может, свидетельствует о еще не познанных возможностях человеческой психики. Его Януш Пшибыльский получил от врача Виктора Прокофьевича Лазаренко из Воронежа:

«На фото моя 17 лет, 25 ноября 1944 года ему исполнилось 18, а 15 декабря он погиб на машинах в Польше. На машинах. Погиб в бою, погиб в бою, погиб в бою...» — написал братишка свое последнее письмо. Был был умный, добрый и очень способный — учились только на пятерки. Этими сорок второго погиб мальчик, он прибегает ко мне в больницу. Одним раз сам писал письма в бумагу, спиртком подпись и в другой раз, чтобы не истощать, чтобы не истощать, чтобы не истощать.

А вот письмо, которое, как выражались бы осторожные ученики, быть может, свидетельствует о еще не познанных возможностях человеческой психики. Его Януш Пшибыльский получил от врача Виктора Прокофьевича Лазаренко из Воронежа:

«На фото моя 17 лет, 25 ноября 1944 года ему исполнилось 18, а 15 декабря он погиб на машинах в Польше. На машинах. Погиб в бою, погиб в бою, погиб в бою...» — написал братишка свое последнее письмо. Был был умный, добрый и очень способный — учились только на пятерки. Этими сорок второго погиб мальчик, он прибегает ко мне в больницу. Одним раз сам писал письма в бумагу, спиртком подпись и в другой раз, чтобы не истощать, чтобы не истощать, чтобы не истощать.

А вот письмо, которое, как выражались бы осторожные ученики, быть может, свидетельствует о еще не познанных возможностях человеческой психики. Его Януш Пшибыльский получил от врача Виктора Прокофьевича Лазаренко из Воронежа:

«На фото моя 17 лет, 25 ноября 1944 года ему исполнилось 18, а 15 декабря он погиб на машинах в Польше. На машинах. Погиб в бою, погиб в бою, погиб в бою...» — написал братишка свое последнее письмо. Был был умный, добрый и очень способный — учились только на пятерки. Этими сорок второго погиб мальчик, он прибегает ко мне в больницу. Одним раз сам писал письма в бумагу, спиртком подпись и в другой раз, чтобы не истощать, чтобы не истощать, чтобы не истощать.

А вот письмо, которое, как выражались бы осторожные ученики, быть может, свидетельствует о еще не познанных возможностях человеческой психики. Его Януш Пшибыльский получил от врача Виктора Прокофьевича Лазаренко из Воронежа:

«На фото моя 17 лет, 25 ноября 1944 года ему исполнилось 18, а 15 декабря он погиб на машинах в Польше. На машинах. Погиб в бою, погиб в бою, погиб в бою...» — написал братишка свое последнее письмо. Был был умный, добрый и очень способный — учились только на пятерки. Этими сорок второго погиб мальчик, он прибегает ко мне в больницу. Одним раз сам писал письма в бумагу, спиртком подпись и в другой раз, чтобы не истощать, чтобы не истощать, чтобы не истощать.

А вот письмо, которое, как выражались бы осторожные ученики, быть может, свидетельствует о еще не познанных возможностях человеческой психики. Его Януш Пшибыльский получил от врача Виктора Прокофьевича Лазаренко из Воронежа:

«На фото моя 17 лет, 25 ноября 1944 года ему исполнилось 18, а 15 декабря он погиб на машинах в Польше. На машинах. Погиб в бою, погиб в бою, погиб в бою...» — написал братишка свое последнее письмо. Был был умный, добрый и очень способный — учились только на пятерки. Этими сорок второго погиб мальчик, он прибегает ко мне в больницу. Одним раз сам писал письма в бумагу, спиртком подпись и в другой раз, чтобы не истощать, чтобы не истощать, чтобы не истощать.

А вот письмо, которое, как выражались бы осторожные ученики, быть может, свидетельствует о еще не познанных возможностях человеческой психики. Его Януш Пшибыльский получил от врача Виктора Прокофьевича Лазаренко из Воронежа:

«На фото моя 17 лет, 25 ноября 1944 года ему исполнилось 18, а 15 декабря он погиб на машинах в Польше. На машинах. Погиб в бою, погиб в бою, погиб в бою...» — написал братишка свое последнее письмо. Был был умный, добрый и очень способный — учились только на пятерки. Этими сорок второго погиб мальчик, он прибегает ко мне в больницу. Одним раз сам писал письма в бумагу, спиртком подпись и в другой раз, чтобы не истощать, чтобы не истощать, чтобы не истощать.

А вот письмо, которое, как выражались бы осторожные ученики, быть может, свидетельствует о еще не познанных возможностях человеческой психики. Его Януш Пшибыльский получил от врача Виктора Прокофьевича Лазаренко из Воронежа:

«На фото моя 17 лет, 25 ноября 1944 года ему исполнилось 18, а 15 декабря он погиб на машинах в Польше. На машинах. Погиб в бою, погиб в бою, погиб в бою...» — написал братишка свое последнее письмо. Был был умный, добрый и очень способный — учились только на пятерки. Этими сорок второго погиб мальчик, он прибегает ко мне в больницу. Одним раз сам писал письма в бумагу, спиртком подпись и в другой раз, чтобы не истощать, чтобы не истощать, чтобы не истощать.

А вот письмо, которое, как выражались бы осторожные ученики, быть может, свидетельствует о еще не познанных возможностях человеческой психики. Его Януш Пшибыльский получил от врача Виктора Прокофьевича Лазаренко из Воронежа:

«На фото моя 17 лет, 25 ноября 1944 года ему исполнилось 18, а 15 декабря он погиб на машинах в Польше. На машинах. Погиб в бою, погиб в бою, погиб в бою...» — написал братишка свое последнее письмо. Был был умный, добрый и очень способный — учились только на пятерки. Этими сорок второго погиб мальчик, он прибегает ко мне в больницу. Одним раз сам писал письма в бумагу, спиртком подпись и в другой раз, чтобы не истощать, чтобы не истощать, чтобы не истощать.

А вот письмо, которое, как выражались бы осторожные ученики, быть может, свидетельствует о еще не познанных возможностях человеческой психики. Его Януш Пшибыльский получил от врача Виктора Прокофьевича Лазаренко из Воронежа:

«На фото моя 17 лет, 25 ноября 1944 года ему исполнилось 18, а 15 декабря он погиб на машинах в Польше. На машинах. Погиб в бою, погиб в бою, погиб в бою...» — написал братишка свое последнее письмо. Был был умный, добрый и очень способный — учились только на пятерки. Этими сорок второго погиб мальчик, он прибегает ко мне в больницу. Одним раз сам писал письма в бумагу, спиртком подпись и в другой раз, чтобы не истощать, чтобы не истощать, чтобы не истощать.

А вот письмо

На той базе Аркадий Константин и Екатерина Райкины вернулись из загородной поездки во красивые города США — Вашингтон, Нью-Йорк, Филадельфия, Лос-Анджелес, Сан-Франциско, Чикаго, Бостон. Нам корреспондент Гагик ТИГРЯНДАМИТРУК интересно рассказал о своихпечатлениях.

— Это было первое крещение Аркадия Райкина, художественного руководителя театра «Сатирикон», в США?

Аркадий Райкин. — Увы, нет! Лет 20 назад меня привлекли крупнейший импресарио Сол Юрок, инициатор гастролей в США коллектива Большого театра. Тогда считалось, что сатирик — «невыездный» жанр, и гастроли не состоялись. Потом были попытки других импресарио. «Он болен», — отвечали, оказывается, из ныне членов-участников культуры, а я, по-видимому, об этом ничего не знал. На этот раз против были только врачи: смена климата, часовые пояса, перелеты с побережья Атлантического океана на берег Тихого и обрат-

ИЗ ДАЛЬНИХ СТРАНСТВИЙ ВОВРАТАСЬ

«Мир дому твоему, человек»

но. В итоге поехали мы вместе с сыном, артистом театра «Сатирикон», и дочерью, актрисой Театра имени Вахтангова. Идеи концерта были «отцы и дети».

— Первое выступление состоялось в Вашингтоне. Как оно проходило?

Константин Райкин. — На премьере присутствовали сотрудники советского посольства. Этот вечер запомнился особенно сильно: волнение. Зал университета не был приспособлен для театральных представлений: недоставало осветительных приборов, микрофонов. Пришлось привезти их с собой. Зал был полон. Этот приятный факт чуть было не обернулся сюрпризом: на многие места были проданы двойные билеты.

Нам очень помогал смех зрителей, который возник на тех же местах выступления, что и у нас дома.

— Как вас принимали?

К. Р. — Хорошо. Я бы скаж-

зал, с большим удивлением. Зритель там наивный и открытый. Сразу понимаешь, краинка или... Там нет такого долгого присматривания, как у нас. Смеются громко, могут смыть в знак одобрения, но и этому быстро при-вяжут.

Когда отец читал центральный монолог из спектакля «Мир дому твоему» об опасности войны, слушали непринужденно тихо и внимательно. В финале он спел свою старую песенку «Добрый зрителю в девятом ряду». Что творилось в зале, трудно описать. После концерта много зрителей пришли к нам за кулисы.

— О чём же шла разговоры там?

А. Р. — Наши концерты посмотрели более 10 тысяч американцев. Все абсолютно интересовались тем, что происходит у нас в стране. Переустройство, гласность — вопросы главные, бесконечные.

— Это напечатано? — «Напечатано!» Например, «Собачье сердце» М. Булгакова. «А этот фильм видели?» — «Видели!» Например, «Проверка на дорогах» или «Покаяние». Как же это замечательно, свободно отвечать на вопросы, а не уходить от них. Ведь наше свидетельство силы нашей перестройки! Когда боялись неизлечима, ее необходимо скрыть от больного, а если нет, то можно и даже нужно говорить о симптомах, о лекарствах. Радостно констатировать, что происходит постепенное потепление между нашими странами. Во всяком случае, те люди, которые приходили на наши концерты со звуками, хотят мира. Когда я произносил позитив, что она относится и к нему как к жителю нашего общего дома — планеты Земли.

— Удалось ли вам посмотреть хотя бы один спектакль в США?

А. Р. — Да! Я видел в одном из театров на Бродвее популярный мюзикл «Я и моя девушка». Замечательная театральная машина спектакля — свет, звук, отличные костюмы, декорации. И дело не в том, что сюжет банален: юноша любит девушку, уезжает, в она влюбляется в другого, всjomим? Такой же склонен лежит в основе русской классической комедии «Горе от ума» А. С. Грибоедова. Однако между ними — «дистанция огромного размера». Театр не способен получать удовольствие. У него другая миссия. Он может и должен формировать общественное сознание, открывать людям глаза на происходящее. В наше время артист не только тот, кто умеет представлять, а тот, кто при этом мыслит и борется. Сатира — это позиции Смех — это оружие!

Мы создали более 50 спектаклей — и сегодня очень обидно сознавать, как много делал с эстрадой? Есть ли надежда, что она придет в себя?

Р. — Эстрада — часть нашей жизни. Будет жизнь лучше. Ведь она в прямой зависимости от того, что происходит в обществе. Раньше эстрадное искусство называли еще и концертным. Например, песни Руслановой, чтение стихов Яхонтова, сцены из спектакля МХАТа были концерт-

ным номером, то есть виртуозно исполненным. Как раз качество — это то, что эстрада потеряла в пути и что теперь ищет.

— В поездке на вас обрушилась лавина аплодисментов не только профессиональных, но и житейских. Пожалуйста, первое, что приходит на память.

А. Р. — Больше всего в США мы думали о нашей стране. И о нашем сервисе. Маленький пример. Когда приходишь ночью после концерта в гостиницу, постель уже раскрыта, на подушке лежит конфетка и пожелание: «Приятных сновидений». Как бы пригодился у нас такой знак внимания к приезжему в чужом городе.

— С каким чувством вы возвращались домой?

А. Р. — «И дым Отечества нам сладок и приятен!» Чувство любви и Родине не так ярко обнаруживает себя дома, как за рубежом. Уже после двух недель гастролей мы начали считать дни до возвращения. Хотелось возможно поделиться с друзьями аплодисментами, новыми идеями.

Разговор о Москве

Состоялась первая встреча главного архитектора столицы с москвичами.

В прошедшую субботу около шести вечера на площади Манежного было оживление, чем обычно. Уже у метро люди спрашивали: как пройти к ГлавАПУ? Невольно вспомнились давние времена, когда народ приходил сюда на спектакли «Современника». Но ГлавАПУ — не театр, хотя при жалюзи можно найти много аналогий в деятельности главного архитектора и главного режиссера. Здесь, в ГлавАПУ, решаются судьбы Москвы — какой быть в будущем, что сохранится в ней от прошлого.

Для разговора о Москве и шли люди на встречу с главным архитектором столицы Л. Вавиловым и его коллегами. Отметив значение самого этого факта, прежде небывалого невозможного, в котором отразились времена демократических перемен.

Огромный зал почти полон. Непрерывным потоком идут записи, погашки, зарвавшие написанные коллективными письма: кого-то беспокоит судьба речки Лихоборки, кто-то предлагает построить пантон на месте бассейна «Москва», очень многих тревожит вопрос — пойдет ли третий кольцо на Лихоборово. Ставят ли западный Кузнецкий мост? Когда зачинится реставрация Школьной улицы? У микрона, установленного в зале, образовались очереди: люди спешат высказать — они рады, что их хотят выслушать, что их мнение — на конец-то — занятое рассмотревалось. Предлагают создать фонд восстановления Сухаревой башни и других памятников — говорит молодая женщина. Зап одобрительно гудит.

На вопросы отвечают Л. Вавилов, его первый заместитель Ю. Григорьев, директор Института Генплана В. Иванов, руководители мастерских и управление ГлавАПУ, районные архитекторы. В зале много молодых, остры и бескомпромиссны из вопросов — они требуют конкретных ответов. Идет честный, открытый разговор о небывалых проблемах Москвы. Условились о полутора часах, в проговорили три. Фединация литературы — драматические программы Центрального телевидения, выступавшая инициатором диалога «Архитектура и общество», зала съезжу этого грядущего вечера.

Л. Вавилов, его первый заместитель Ю. Григорьев, директор Института Генплана В. Иванов, руководители мастерских и управление ГлавАПУ, районные архитекторы. В зале много молодых, остры и бескомпромиссны из вопросов — они требуют конкретных ответов. Идет честный, открытый разговор о небывалых проблемах Москвы. Условились о полутора часах, в проговорили три. Фединация литературы — драматические программы Центрального телевидения, выступавшая инициатором диалога «Архитектура и общество», зала съезжу этого грядущего вечера.

Л. Вавилов, его первый заместитель Ю. Григорьев, директор Института Генплана В. Иванов, руководители мастерских и управление ГлавАПУ, районные архитекторы. В зале много молодых, остры и бескомпромиссны из вопросов — они требуют конкретных ответов. Идет честный, открытый разговор о небывалых проблемах Москвы. Условились о полутора часах, в проговорили три. Фединация литературы — драматические программы Центрального телевидения, выступавшая инициатором диалога «Архитектура и общество», зала съезжу этого грядущего вечера.

Л. Вавилов, его первый заместитель Ю. Григорьев, директор Института Генплана В. Иванов, руководители мастерских и управление ГлавАПУ, районные архитекторы. В зале много молодых, остры и бескомпромиссны из вопросов — они требуют конкретных ответов. Идет честный, открытый разговор о небывалых проблемах Москвы. Условились о полутора часах, в проговорили три. Фединация литературы — драматические программы Центрального телевидения, выступавшая инициатором диалога «Архитектура и общество», зала съезжу этого грядущего вечера.

Л. Вавилов, его первый заместитель Ю. Григорьев, директор Института Генплана В. Иванов, руководители мастерских и управление ГлавАПУ, районные архитекторы. В зале много молодых, остры и бескомпромиссны из вопросов — они требуют конкретных ответов. Идет честный, открытый разговор о небывалых проблемах Москвы. Условились о полутора часах, в проговорили три. Фединация литературы — драматические программы Центрального телевидения, выступавшая инициатором диалога «Архитектура и общество», зала съезжу этого грядущего вечера.

Л. Вавилов, его первый заместитель Ю. Григорьев, директор Института Генплана В. Иванов, руководители мастерских и управление ГлавАПУ, районные архитекторы. В зале много молодых, остры и бескомпромиссны из вопросов — они требуют конкретных ответов. Идет честный, открытый разговор о небывалых проблемах Москвы. Условились о полутора часах, в проговорили три. Фединация литературы — драматические программы Центрального телевидения, выступавшая инициатором диалога «Архитектура и общество», зала съезжу этого грядущего вечера.

Л. Вавилов, его первый заместитель Ю. Григорьев, директор Института Генплана В. Иванов, руководители мастерских и управление ГлавАПУ, районные архитекторы. В зале много молодых, остры и бескомпромиссны из вопросов — они требуют конкретных ответов. Идет честный, открытый разговор о небывалых проблемах Москвы. Условились о полутора часах, в проговорили три. Фединация литературы — драматические программы Центрального телевидения, выступавшая инициатором диалога «Архитектура и общество», зала съезжу этого грядущего вечера.

Л. Вавилов, его первый заместитель Ю. Григорьев, директор Института Генплана В. Иванов, руководители мастерских и управление ГлавАПУ, районные архитекторы. В зале много молодых, остры и бескомпромиссны из вопросов — они требуют конкретных ответов. Идет честный, открытый разговор о небывалых проблемах Москвы. Условились о полутора часах, в проговорили три. Фединация литературы — драматические программы Центрального телевидения, выступавшая инициатором диалога «Архитектура и общество», зала съезжу этого грядущего вечера.

Л. Вавилов, его первый заместитель Ю. Григорьев, директор Института Генплана В. Иванов, руководители мастерских и управление ГлавАПУ, районные архитекторы. В зале много молодых, остры и бескомпромиссны из вопросов — они требуют конкретных ответов. Идет честный, открытый разговор о небывалых проблемах Москвы. Условились о полутора часах, в проговорили три. Фединация литературы — драматические программы Центрального телевидения, выступавшая инициатором диалога «Архитектура и общество», зала съезжу этого грядущего вечера.

Л. Вавилов, его первый заместитель Ю. Григорьев, директор Института Генплана В. Иванов, руководители мастерских и управление ГлавАПУ, районные архитекторы. В зале много молодых, остры и бескомпромиссны из вопросов — они требуют конкретных ответов. Идет честный, открытый разговор о небывалых проблемах Москвы. Условились о полутора часах, в проговорили три. Фединация литературы — драматические программы Центрального телевидения, выступавшая инициатором диалога «Архитектура и общество», зала съезжу этого грядущего вечера.

Л. Вавилов, его первый заместитель Ю. Григорьев, директор Института Генплана В. Иванов, руководители мастерских и управление ГлавАПУ, районные архитекторы. В зале много молодых, остры и бескомпромиссны из вопросов — они требуют конкретных ответов. Идет честный, открытый разговор о небывалых проблемах Москвы. Условились о полутора часах, в проговорили три. Фединация литературы — драматические программы Центрального телевидения, выступавшая инициатором диалога «Архитектура и общество», зала съезжу этого грядущего вечера.

Л. Вавилов, его первый заместитель Ю. Григорьев, директор Института Генплана В. Иванов, руководители мастерских и управление ГлавАПУ, районные архитекторы. В зале много молодых, остры и бескомпромиссны из вопросов — они требуют конкретных ответов. Идет честный, открытый разговор о небывалых проблемах Москвы. Условились о полутора часах, в проговорили три. Фединация литературы — драматические программы Центрального телевидения, выступавшая инициатором диалога «Архитектура и общество», зала съезжу этого грядущего вечера.

Л. Вавилов, его первый заместитель Ю. Григорьев, директор Института Генплана В. Иванов, руководители мастерских и управление ГлавАПУ, районные архитекторы. В зале много молодых, остры и бескомпромиссны из вопросов — они требуют конкретных ответов. Идет честный, открытый разговор о небывалых проблемах Москвы. Условились о полутора часах, в проговорили три. Фединация литературы — драматические программы Центрального телевидения, выступавшая инициатором диалога «Архитектура и общество», зала съезжу этого грядущего вечера.

Л. Вавилов, его первый заместитель Ю. Григорьев, директор Института Генплана В. Иванов, руководители мастерских и управление ГлавАПУ, районные архитекторы. В зале много молодых, остры и бескомпромиссны из вопросов — они требуют конкретных ответов. Идет честный, открытый разговор о небывалых проблемах Москвы. Условились о полутора часах, в проговорили три. Фединация литературы — драматические программы Центрального телевидения, выступавшая инициатором диалога «Архитектура и общество», зала съезжу этого грядущего вечера.

Л. Вавилов, его первый заместитель Ю. Григорьев, директор Института Генплана В. Иванов, руководители мастерских и управление ГлавАПУ, районные архитекторы. В зале много молодых, остры и бескомпромиссны из вопросов — они требуют конкретных ответов. Идет честный, открытый разговор о небывалых проблемах Москвы. Условились о полутора часах, в проговорили три. Фединация литературы — драматические программы Центрального телевидения, выступавшая инициатором диалога «Архитектура и общество», зала съезжу этого грядущего вечера.

Л. Вавилов, его первый заместитель Ю. Григорьев, директор Института Генплана В. Иванов, руководители мастерских и управление ГлавАПУ, районные архитекторы. В зале много молодых, остры и бескомпромиссны из вопросов — они требуют конкретных ответов. Идет честный, открытый разговор о небывалых проблемах Москвы. Условились о полутора часах, в проговорили три. Фединация литературы — драматические программы Центрального телевидения, выступавшая инициатором диалога «Архитектура и общество», зала съезжу этого грядущего вечера.

Л. Вавилов, его первый заместитель Ю. Григорьев, директор Института Генплана В. Иванов, руководители мастерских и управление ГлавАПУ, районные архитекторы. В зале много молодых, остры и бескомпромиссны из вопросов — они требуют конкретных ответов. Идет честный, открытый разговор о небывалых проблемах Москвы. Условились о полутора часах, в проговорили три. Фединация литературы — драматические программы Центрального телевидения, выступавшая инициатором диалога «Архитектура и общество», зала съезжу этого грядущего вечера.

Л. Вавилов, его первый заместитель Ю. Григорьев, директор Института Генплана В. Иванов, руководители мастерских и управление ГлавАПУ, районные архитекторы. В зале много молодых, остры и бескомпромиссны из вопросов — они требуют конкретных ответов. Идет честный, открытый разговор о небывалых проблемах Москвы. Условились о полутора часах, в проговорили три. Фединация литературы — драматические программы Центрального телевидения, выступавшая инициатором диалога «Архитектура и общество», зала съезжу этого грядущего вечера.

Л. Вавилов, его первый заместитель Ю. Григорьев, директор Института Генплана В. Иванов, руководители мастерских и управление ГлавАПУ, районные архитекторы. В зале много молодых, остры и бескомпромиссны из вопросов — они требуют конкретных ответов. Идет честный, открытый разговор о небывалых проблемах Москвы. Условились о полутора часах, в проговорили три. Фединация литературы — драматические программы Центрального телевидения, выступавшая инициатором диалога «Архитектура и общество», зала съезжу этого грядущего вечера.

Л. Вавилов, его первый заместитель Ю. Григорьев, директор Института Генплана В. Иванов, руководители мастерских и управление ГлавАПУ, районные архитекторы. В зале много молодых, остры и бескомпромиссны из вопросов — они требуют конкретных ответов. Идет честный, открытый разговор о небывалых проблемах Москвы. Условились о полутора часах, в проговорили три. Фединация литературы — драматические программы Центрального телевидения, выступавшая инициатором диалога «Архитектура и общество», зала съезжу этого грядущего вечера.

Л. Вавилов, его первый заместитель Ю. Григорьев, директор Института Ген